

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4–6 статьи 11, части 4¹ статьи 12¹ и пункта 1 части 1 статьи 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», части 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также части 1 статьи 34, статьи 35 и части 7¹ статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области

город Санкт-Петербург

26 декабря 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4–6 статьи 11, части 4¹ статьи 12¹ и

пункта 1 части 1 статьи 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», части 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также части 1 статьи 34, статьи 35 и части 7¹ статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Законодательного Собрания Челябинской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Е.В.Тарибо, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Законодательное Собрание Челябинской области оспаривает конституционность следующих положений Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»:

статьи 10, части 1 и 2 которой раскрывают понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность», а часть 3 определяет круг замещающих публично значимые должности лиц, на которых возлагается обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;

статьи 11, а именно ее частей 1 и 2, в силу которых лицо, замещающее публично значимую должность, обязано принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и уведомить уполномоченное лицо о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно; частей 4 и 5, определяющих меры, в которых может состоять предотвращение или урегулирование конфликта интересов, и части 6, в силу которой непринятие

лицом, являющимся стороной конфликта интересов, соответствующих мер влечет его увольнение в соответствии с законодательством Российской Федерации, за исключением случаев, установленных федеральными законами;

части 4¹ статьи 12¹, в силу которой лица, замещающие публично значимые должности, обязаны сообщать в порядке, установленном нормативными правовыми актами, о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта;

пункта 1 части 1 статьи 13¹, устанавливающего, что лицо, замещающее публично значимую должность, в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами, подлежит увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия в случае непринятия им мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

Заявителем во взаимосвязи с приведенными законоположениями оспаривается конституционность части 10 статьи 29 Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», в силу которой не является основанием для привлечения к ответственности лица, замещающего муниципальную должность, за несоблюдение требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции участие указанного лица в принятии коллегиальных решений (в том числе в голосовании по вопросам повестки дня) либо исполнение иных обязанностей по замещаемой должности, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Законодательное Собрание Челябинской области также ставит под сомнение конституционность части 1 статьи 34 «Органы местного самоуправления», статьи 35 «Представительный орган муниципального

образования» и части 7¹ статьи 40 «Статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления» Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратили силу с 19 июня 2025 года в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 93 и частью 1 статьи 94 Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ), определявших коллегиальный принцип функционирования (принятия решений) представительных органов муниципальных образований, а также устанавливавших обязанности лиц, замещающих муниципальные должности, по соблюдению требований и ограничений, связанных с противодействием коррупции.

1.1. Как утверждает заявитель, в судебной практике сформировались взаимоисключающие подходы к пониманию, толкованию и применению положений антикоррупционного законодательства по вопросу урегулирования депутатами конфликта интересов при осуществлении ими полномочий путем голосования на заседаниях представительных органов власти. По мнению заявителя, приводящего в запросе ссылки на соответствующую правоприменительную практику, подход Верховного Суда Российской Федерации не учитывает возможное влияние конфликта интересов на депутатов при голосовании, допускает игнорирование ими мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, поскольку исходит из отсутствия у конкретного депутата возможности единолично принимать соответствующее решение, предполагает невозможность непосредственно влиять на получение каких-либо выгод (преимуществ) лицом, состоящим с депутатом в близком родстве или свойстве и связанным с ним имущественными, корпоративными или иными отношениями. При этом, как полагает заявитель, нижестоящие суды, напротив, исходят из того, что наличие личной заинтересованности депутата в принятии решения представительным органом является достаточным поводом для реализации мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, свидетельствует о невозможности объективного и беспристрастного

осуществления им полномочий, в том числе путем голосования на заседании представительного органа, а потому непринятие таких мер ведет к досрочному прекращению его полномочий.

По мнению Законодательного Собрания Челябинской области, распространение на депутатов представительных органов требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов подчеркивает высокую значимость нормотворчества и ответственность каждого депутата за участие в этом процессе. При этом закон не связывает необходимость выполнения депутатом данных требований с единоличным или коллегиальным порядком принятия решения, так как этот правовой институт, как полагает заявитель, призван обеспечить надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение депутатом полномочий и исключить возможность злоупотребления ими. Соответственно, досрочное прекращение полномочий депутата за неисполнение обязанностей, установленных законодательством о противодействии коррупции, направлено на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства. Наличие такой меры и ее действенное применение призваны повысить эффективность противодействия коррупции и предотвратить риски неправомерного внешнего влияния на лиц, выполняющих публично значимые функции. Установление же для депутатов ограничений и запретов без применения мер ответственности за их неисполнение, как утверждает заявитель, подрывает работу по противодействию коррупции и противоречит принципам антикоррупционной политики государства.

Исходя из этого заявитель расценивает норму части 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» как освобождающую от ответственности депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции и тем самым предоставляющую данной категории должностных лиц необоснованные преимущества перед иными

должностными лицами, что может привести к легализации неправомерных действий и решений, принимаемых представительными органами муниципальных образований.

С учетом приведенных доводов Законодательное Собрание Челябинской области полагает, что оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 1 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, создают неопределенность в вопросах об обязанности депутатов представительных органов всех уровней публичной власти принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов при осуществлении ими должностных полномочий, в том числе при принятии коллегиальных решений (голосовании) на заседаниях представительных органов публичной власти, и о возможности их привлечения к ответственности за несоблюдение этих требований, а также поскольку непосредственно освобождают депутатов представительных органов муниципальных образований от ответственности за непринятие указанных мер при осуществлении ими своих полномочий на коллегиальной основе.

1.2. Тот факт, что оспариваемые заявителем положения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в настоящее время утратили силу, не препятствует оценке их конституционности, поскольку, как свидетельствует правоприменительная практика, они продолжают применяться при рассмотрении судами дел о несоблюдении в период их действия депутатами представительных органов муниципальных образований обязанности сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и его предотвращению или урегулированию, а также поскольку данные положения воспроизведены и в

части 1 статьи 14, статье 15, части 5 статьи 28 и части 1 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 84 и 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные статья 10, части 1, 2, 4–6 статьи 11, часть 4¹ статьи 12¹ и пункт 1 части 1 статьи 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», часть 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», часть 1 статьи 34, статья 35 и часть 7¹ статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в той мере, в какой на их основании решается вопрос о последствиях неисполнения депутатами представительных органов всех уровней публичной власти требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов при исполнении полномочий, в том числе при участии в принятии коллегиальных решений, и о возможности применения конкретно к депутатам представительных органов муниципальных образований каких-либо мер ответственности в связи с неисполнением указанных требований.

2. Согласно Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации как демократическом правовом государстве с республиканской формой правления является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (преамбула; статья 1, часть 1; статья 3, части 1, 2 и 3); граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранными в

органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (статья 32, части 1 и 2).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что правовая демократия нуждается, чтобы быть устойчивой, в действенных средствах ее охраны от злоупотреблений и от криминализации публичной власти, легитимность которой во многом обусловлена доверием общества. В целях поддержания и создания условий для взаимного доверия государства и общества (статья 75¹ Конституции Российской Федерации) необходимо установление высоких требований к репутации лиц, замещающих публично значимые должности, чтобы у граждан не было оснований сомневаться в их нравственных качествах, в их бескорыстии и законности их поведения как носителей власти, что предполагает открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, объективность, беспристрастность и отсутствие личной заинтересованности при исполнении обязанностей указанными лицами, исключение в их деятельности злоупотреблений предоставленными полномочиями (постановления от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 4 июля 2022 года № 27-П, от 1 октября 2024 года № 42-П и др.).

Тем самым Россия как правовое демократическое государство должна принимать надлежащие меры для противодействия коррупции, включая предупреждение незаконного получения выгоды лицами, осуществляющими публичные функции. Указанным целям служит, в частности, возложение на лиц, замещающих публично значимые должности, обязанности уведомлять о возникшем конфликте интересов и принимать меры по его предотвращению или урегулированию. Поскольку же указанная обязанность направлена на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и является одним из основных средств профилактики коррупции, ее надлежащее исполнение имеет особую значимость в контексте указанных конституционных требований.

3. Исходя из приведенных конституционных положений в Российской Федерации последовательно проводится правовая политика в области

противодействия коррупции, общие принципы, направления и механизмы которой – включая, в частности, такие из них, как контроль за доходами и расходами лиц, замещающих публично значимые должности, обязанность указанных лиц предоставлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, уведомлять о конфликте интересов и т.д., – получили свое системное нормативное закрепление и в последующем развивались и уточнялись законодателем и правоприменительной практикой.

При этом качественно новый этап развития антикоррупционного законодательства связан с изданием Указа Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции» и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции», а также Национального плана противодействия коррупции на 2010–2011 годы (утвержден Распоряжением Президента Российской Федерации от 31 июля 2008 года № Пр-1568).

Указанные правовые акты заложили фундамент функционирующего в настоящее время механизма противодействия коррупции, основами которого являются, в частности, принципы публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции (пункты 3, 5 и 6 статьи 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Особую роль в механизме противодействия коррупции играет принцип неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений (пункт 4 статьи 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»): создавая основы для формирования в обществе нетерпимого отношения к любым проявлениям коррупции и предостерегая лиц, замещающих публично значимые должности, от совершения деяний коррупционной направленности, указанный принцип также обязывает

государство своевременно реагировать в установленных правовых формах на всякий ставший известным факт коррупционного поведения, что согласуется с требованиями статей 15 (часть 2), 19 (часть 1) и 75¹ Конституции Российской Федерации.

3.1. Граждане, добровольно избирая профессиональную деятельность, предполагающую выполнение публичных функций, соглашаются с ограничениями, связанными с приобретаемым ими правовым статусом, а потому введение особых требований к лицам, замещающим публично значимые должности, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных статьями 19 (часть 1), 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе (замещению публично значимых должностей) и права свободно распоряжаться своими способностями к труду (постановления от 21 марта 2014 года № 7-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 8 ноября 2023 года № 51-П и др.).

Такая мера противодействия коррупции, как предотвращение и урегулирование конфликта интересов, первоначально была введена Общими принципами служебного поведения государственных служащих, пункт 2 которых ранее (в редакции, действовавшей до 16 июля 2009 года) предусматривал, что государственный служащий при угрозе возникновения конфликта интересов – ситуации, когда личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных (служебных) обязанностей, – должен сообщать об этом непосредственному руководителю и выполнять его решение, направленное на предотвращение или урегулирование данного конфликта интересов. Утвердивший названные Общие принципы Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 года № 885 рекомендовал лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации и выборные муниципальные должности,

придерживаться принципов, утвержденных данным Указом, в части, не противоречащей их правовому статусу (пункт 2).

Впоследствии данная мера была закреплена в качестве имеющей универсальный характер для всей системы публичной власти Федеральным законом «О противодействии коррупции», предусматривающим конкретные меры, которые при возникновении конфликта интересов должны быть предприняты замещающим публично значимую должность лицом, представителем нанимателя (работодателя) или иным уполномоченным лицом. Предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения лица, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов; в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, предотвращение и урегулирование конфликта интересов, стороной которого является указанное лицо, осуществляются путем отвода или самоотвода (части 4 и 5 статьи 11).

Приведенные меры не исключают возможности предотвращения или урегулирования конфликта интересов иными способами, которые могут быть рекомендованы комиссиями, уполномоченными на рассмотрение вопросов возникновения у лица, замещающего публично значимую должность, личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов. Как следует из ряда положений о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению или урегулированию конфликта интересов различных государственных органов, комиссия может в том числе признать отсутствие конфликта интересов; признать, что личная заинтересованность приводит или может привести к конфликту интересов, и рекомендовать принять меры по урегулированию конфликта интересов или по недопущению его возникновения; признать несоблюдение требования об урегулировании конфликта интересов и рекомендовать указать лицу на

недопустимость несоблюдения требований об урегулировании конфликта интересов либо применить конкретную меру ответственности.

Тем самым законодательство устанавливает неисчерпывающий перечень принимаемых в целях предотвращения или урегулирования конфликта интересов мер, что позволяет учесть специфику конкретной ситуации, особенности замещаемой лицом публичной должности и другие значимые обстоятельства. Однако их непринятие во всяком случае является коррупционным правонарушением, влекущим увольнение лица, замещающего публично значимую должность, в соответствии с законодательством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законом (часть 6 статьи 11 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

3.2. Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно рассматривались различные конституционные аспекты функционирования механизма противодействия коррупции (постановления от 27 декабря 2012 года № 34-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 9 января 2019 года № 1-П, от 6 апреля 2020 года № 14-П и др.; определения от 19 мая 2009 года № 511-О-О, от 6 июня 2017 года № 1163-О и др.) и неукоснительно проводился в жизнь принцип неотвратимости ответственности за совершение деяний коррупционной направленности, как противоречащих самим основам права и правового государства, что нашло свое логическое развитие в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П, в котором было отмечено, что, поскольку коррупция по силе и многоаспектности негативного воздействия на жизнь общества и государства может быть отнесена к числу особенно опасных социальных явлений, государство обязано принимать такие меры, которые делали бы любую попытку получить выгоду за счет коррупционного поведения бессмысленной и бесперспективной; обратное способствовало бы лишь распространению коррупции, не ставя тем самым ей надлежащих преград, и потому вступало бы в противоречие с требованиями статей 4 (часть 2), 7 (часть 1), 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем приведенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации не означает и не может означать, что обвинение лица в совершении деяния коррупционной направленности лишает его доступа к средствам защиты его прав, в том числе судебной, а также конституционным гарантиям объективного и беспристрастного рассмотрения его дела; равным образом такое обвинение не может базироваться на необъективных данных или гипотетических предположениях о совершении лицом указанного деяния. Иное противоречило бы положениям Конституции Российской Федерации в не меньшей степени, чем само коррупционное поведение (статьи 2 и 45; статья 46, части 1 и 2).

4. Конституционный статус местного самоуправления в Российской Федерации основывается, с одной стороны, на самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий и его структурной обособленности от системы органов государственной власти и, с другой – на его неразрывной взаимосвязи с другими уровнями публичной власти в рамках единой системы, целью которой является наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (статья 12; статья 132, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Конституционные принципы финансово-экономического обеспечения местного самоуправления предполагают, что в муниципальной собственности должно находиться то имущество, которое требуется для решения возложенных на местное самоуправление задач, а население – непосредственно или через органы местного самоуправления – самостоятельно в рамках закона определяет конкретные направления и объемы использования муниципальной собственности, включая средства местных бюджетов, формируемых за счет налоговых доходов, неналоговых доходов, включая доходы от использования и продажи имущества, находящегося в муниципальной собственности, а также безвозмездных поступлений, в том числе межбюджетных трансфертов из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, исходя из интересов,

обусловленных потребностями в непосредственном обеспечении жизнедеятельности местного сообщества (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 года № 2-П).

Органы местного самоуправления в зависимости от порядка принятия решений могут быть разделены на функционирующие на основе принципов единоначалия и коллегиальности (части 1 и 6 статьи 15, часть 2 статьи 22 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»; ранее соответствующие положения содержались в частях 2 и 6 статьи 35, а также абзаце втором части 1 статьи 37 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Присущие же принципам единоначалия и коллегиальности достоинства и ограничения имеют существенное значение для разграничения между органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения), в том числе полномочий, связанных с распределением материальных благ, и обуславливают тем самым необходимость их разумного сочетания и балансирования в пределах структуры органов местного самоуправления.

Так, ключевые вопросы аккумуляирования и распределения материальных благ отнесены к исключительной компетенции представительного органа муниципального образования, в частности утверждение местного бюджета, установление, введение в действие и прекращение действия ранее введенных местных налогов и сборов, определение порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности, определение порядка принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий, а также об установлении тарифов на услуги муниципальных предприятий и учреждений, выполнение работ (пункты 2, 3, 5 и 6 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а ранее пункты 2, 3, 5

и 6 части 10 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Следовательно, именно представительный орган муниципального образования определяет общие направления и объемы использования муниципальной собственности, включая средства местных бюджетов.

При этом депутаты представительного органа муниципального образования осуществляют свои полномочия, как правило, на непостоянной основе (часть 11 статьи 25 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», абзац второй части 5 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). В таком случае, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, депутат осуществляет свои полномочия без отрыва от основной профессиональной деятельности, которой лицо занималось на момент замещения должности, и без абсолютного ограничения возможности для лица совмещать депутатскую деятельность с иной – помимо преподавательской, научной и иной творческой – оплачиваемой деятельностью (Постановление от 18 июля 2019 года № 29-П).

В деятельности представительного органа муниципального образования преобладают аспекты, связанные с текущими нуждами и определением перспектив развития муниципального образования как территориального объединения граждан (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 года № 7-П, от 18 июля 2019 года № 29-П, от 23 ноября 2021 года № 50-П и др.). В то же время не исключается, что депутатами представительного органа муниципального образования, работающими на непостоянной основе, т.е. без отрыва от основной деятельности, будут руководители и работники юридических лиц, осуществляющих или планирующих осуществлять хозяйственную деятельность на территории муниципального образования, а потому такие депутаты могут являться потенциально заинтересованными в инициировании и принятии тех или иных решений представительным органом

муниципального образования исключительно к своей (или связанных с ними юридических лиц), а не муниципального сообщества, выгоде, что может расцениваться как возникновение конфликта интересов и, следовательно, влечь необходимость его урегулирования, о чем свидетельствует правоприменительная практика (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2024 года № 48-КАС24-48-К7 и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что в силу положений Федерального закона «О противодействии коррупции» лицо, замещающее муниципальную должность, обязано в установленном порядке сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и предотвращению или урегулированию конфликта интересов (часть 1 статьи 11 и часть 4¹ статьи 12¹). В случае же непринятия этих мер соответствующее лицо подлежит освобождению от должности в связи с утратой доверия (пункт 1 части 1 статьи 13¹) (определения от 28 февраля 2023 года № 249-О и от 29 мая 2025 года № 1503-О).

Хотя приведенные выводы были сделаны Конституционным Судом Российской Федерации в свете ранее действовавших положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», из пункта 1 части 2 статьи 25 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» следует, что депутаты представительного органа муниципального образования и в настоящее время относятся к лицам, замещающим муниципальные должности, а значит, на них в полной мере распространяются положения Федерального закона «О противодействии коррупции», включая предусмотренные им негативные последствия несоблюдения антикоррупционного законодательства.

Сказанное означает, что во всех органах публичной власти необходимым является принятие мер, направленных на повышение

эффективности борьбы с коррупцией, и представительные органы муниципальных образований не могут быть исключением, а иное противоречило бы безусловной конституционной обязанности государства принимать меры для противодействия коррупции.

4.1. В части 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», включенной в текст соответствующего законопроекта в качестве поправки на этапе второго чтения, законодателем были, как следует из буквального смысла данного законоположения, определены основания, которые не могут стать поводом для привлечения к ответственности лица, замещающего муниципальную должность, в том числе должность депутата представительного органа муниципального образования, за несоблюдение требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, а именно участие указанного лица в принятии коллегиальных решений (в том числе в голосовании по вопросам повестки дня) либо исполнение иных обязанностей по замещаемой должности, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Нашедший отражение в указанном законоположении подход к вопросу об ответственности депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов связан со сложившейся ранее практикой толкования отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», устанавливавших коллегиальный порядок принятия решений представительными органами муниципальных образований, в их взаимосвязи с определениями конфликта интересов и личной заинтересованности, содержащимися в частях 1 и 2 статьи 10 Федерального закона «О противодействии коррупции».

Верховный Суд Российской Федерации, отмечая, что конфликт интересов является оценочной категорией, ориентировал нижестоящие суды

на то, что для квалификации конкретных обстоятельств в качестве конфликта интересов в целях противодействия коррупции необходимо установить одновременное наличие личной заинтересованности и полномочий у должностного лица реализовать личную заинтересованность, а также связь между получением (возможностью получения) доходов или выгод должностным лицом и (или) лицами, с которыми связана его личная заинтересованность, и реализацией (возможной реализацией) должностным лицом своих полномочий. Осуществление полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе, отсутствие у депутата права единолично принимать решения, давать поручения другим депутатам, инициация принятия решения другим лицом, статус (например, рядовой депутат, глава муниципального образования, председатель коллегиального органа и т.п.), количество членов коллегиального органа, результат голосования и значение голоса конкретного депутата при этом рассматривались в качестве факторов, значимых для квалификации фактических обстоятельств конкретного дела как конфликта интересов (кассационные определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2024 года № 59-КАД24-3-К9, от 5 февраля 2025 года № 72-КАД24-1-К8, от 23 апреля 2025 года № 60-КАД25-2-К9, от 30 июля 2025 года № 48-КАД25-5-К7 и др.).

Вместе с тем Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 октября 2025 года по делу № 6-НАД25ПР, которым было частично отменено кассационное определение Судебной коллегии по административным делам этого же суда от 30 июля 2025 года № 48-КАД25-5-К7, указал, что при наличии конфликта интересов само по себе участие депутата в заседании представительного органа муниципального образования и голосование по вопросам повестки дня является достаточным основанием для вывода о нарушении им требований по урегулированию конфликта интересов вне зависимости от принятия решения путем коллегиального голосования и влияния голоса конкретного депутата на его результаты.

Соответственно, Верховный Суд Российской Федерации подтвердил обязательность для депутатов представительных органов муниципальных образований требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

4.2. Конституционный принцип единства системы публичной власти предполагает установление общих – с учетом допускаемой Конституцией Российской Федерации необходимой и обоснованной дифференциации – антикоррупционных требований и ограничений для лиц, замещающих публично значимые должности. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что особым публичным статусом лиц, замещающих выборные муниципальные должности, предопределяется право федерального законодателя вводить для них определенные требования и ограничения, в частности аналогичные предусмотренным для лиц, замещающих государственные должности, должности государственной и муниципальной службы, и направленные на создание условий, не допускающих возможных злоупотреблений с их стороны при осуществлении публичной власти (определения от 26 января 2017 года № 135-О и от 18 июля 2017 года № 1735-О).

Предотвращение или урегулирование конфликта интересов как мера противодействия коррупции предусмотрено действующим законодательством для замещающих государственные должности Российской Федерации или субъекта Российской Федерации в представительных органах соответствующих уровней публичной власти сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы, а также депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации (часть вторая² статьи 6 Федерального закона от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», часть 15 статьи 19 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской

Федерации»), притом что указанные государственные органы функционируют на основе принципа коллегиальности.

Данные законодательные акты не предусматривают возможности досрочного прекращения полномочий соответствующих лиц в связи с несоблюдением ими требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, не исключая, однако, принятия иных мер. В частности, в соответствии с частью 22 статьи 19 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в случае несоблюдения депутатом законодательного органа субъекта Российской Федерации требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов к нему может быть применена одна из следующих мер ответственности: предупреждение; освобождение от занимаемой должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации без прекращения депутатских полномочий с лишением права занимать должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации с момента принятия решения о применении к депутату меры ответственности до прекращения срока его полномочий; запрет занимать должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации до прекращения срока его полномочий.

Тем самым требования по предотвращению или урегулированию конфликта интересов конкретным депутатом не вступают в противоречие со статусом представительного органа любого уровня публичной власти и обусловленным им статусом его депутатов, позволяя другим депутатам осознать наличие такого конфликта интересов, а представительному органу – принять меры для его урегулирования.

Данные требования при этом не могут рассматриваться как несоразмерно, вопреки статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничивающие права депутатов представительных органов, поскольку, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гражданин, вступая в эту должность, принимает на себя обязанность неукоснительно соблюдать связанные с этим статусом обязанности и

ограничения, в том числе касающиеся противодействия коррупции, в частности в случае возникновения личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов (Определение от 28 апреля 2022 года № 1096-О).

5. Наличие мер противодействия коррупции и их применение призваны предотвратить риски, связанные с неправомерным влиянием на государственных и муниципальных служащих, иных выполняющих публично значимые функции лиц и тем самым с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более публичной власти и криминала.

С учетом этого из Конституции Российской Федерации не может следовать допустимость освобождения депутата представительного органа любого уровня публичной власти, не предпринявшего меры для предотвращения или урегулирования конфликта интересов и не сообщившего о нем, от негативных последствий таких действий (бездействия), притом что обеспечение реальной эффективности названных механизмов является обязанностью публичной власти перед единственным источником власти – народом Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 3 Конституции Российской Федерации).

Тем самым взаимосвязанные статья 10, части 1, 2, 4–6 статьи 11, часть 4¹ статьи 12¹ и пункт 1 части 1 статьи 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», часть 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также часть 1 статьи 34, статья 35 и часть 7¹ статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не могут расцениваться как противоречащие Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не исключают депутата представительного органа, в том числе осуществляющего полномочия на непостоянной основе, из числа лиц, замещающих публично значимые должности, к которым применяются

негативные последствия несоблюдения ими требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Иное, – по существу, расширительное толкование указанных законоположений, исключающее ответственность депутатов представительных органов за несоблюдение ими требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов без установления того, могла ли повлиять личная заинтересованность на реализацию полномочий конкретного депутата, а не всего представительного органа, – не соответствовало бы Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 8, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 75¹.

Однако место и роль представительных органов в единой системе публичной власти и особенности их полномочий – в силу своей конституционной значимости в демократическом правовом государстве – не могут не отражаться как на понимании самого конфликта интересов депутатов представительных органов, так и на порядке урегулирования названными лицами такого рода конфликтов.

Тем самым, не отрицая конституционной необходимости действия в отношении депутатов представительных органов требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, Конституционный Суд Российской Федерации полагает необходимым в целях установления конституционного баланса между реализацией механизма противодействия коррупции и обеспечением надлежащего функционирования единой системы публичной власти отметить следующее.

5.1. Представительный орган публичной власти, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, находится в устойчивой публично-правовой связи с соответствующим сообществом, подконтролен ему и перед ним ответственен; он вправе и обязан осуществлять все свои полномочия от имени и в интересах соответствующего сообщества (постановления от 18 мая 2011 года № 9-П и

от 1 декабря 2015 года № 30-П; Определение от 6 марта 2008 года № 214-О-П).

Следовательно, представительный характер соответствующих органов призван в первую очередь обеспечить наиболее полное выражение интересов населения (сообщества) соответствующей территории. Характеристики народного представительства, лежащие в основе депутатского мандата и обуславливающие публично-правовой статус депутата, предполагают, что реализация полномочий депутата неизбежно связана с интересами представляемых им избирателей, которые он обязан выражать при осуществлении полномочий, а также с общими интересами всего населения соответствующей территории.

Депутат представительного органа, являясь гражданином Российской Федерации, проживая, как правило, на территории соответствующего субъекта Российской Федерации или муниципального образования, тем самым является членом того же сообщества граждан, интересы которого он призван представлять. Поскольку решения представительных органов, принятые в рамках закрепленной за ними компетенции, в большинстве своем адресованы индивидуально неопределенному кругу лиц, то многие решения такого органа депутат неизбежно, как член соответствующего сообщества, принимает и в отношении себя самого, а также связанных с ним родством, свойством и иными отношениями лиц.

В условиях многообразия складывающихся ситуаций, которые потенциально могут быть расценены как влекущие возникновение личной заинтересованности, данное понятие закономерно представляет собой оценочную категорию, применение которой для квалификации тех или иных действий (бездействия) требует конкретизации ее содержания с учетом сущностно значимых обстоятельств ситуации. В ином случае вывод о наличии в деянии коррупционной направленности указанного признака мог бы быть необоснованным, а привлечение к ответственности – незаконным. Кроме того, формально схожие обстоятельства в разном контексте могут иметь различное влияние на объективное и

беспристрастное исполнение должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) лицом, замещающим публично значимую должность.

Тем самым при применении Федерального закона «О противодействии коррупции» в отношении депутатов представительных органов любого уровня публичной власти не могут не учитываться природа народного представительства и нормотворческие полномочия данных органов, а потому под личной заинтересованностью депутата представительного органа при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, не должно пониматься получение (возможность получения) в результате принятого представительным органом решения доходов, преимуществ или выгод индивидуально (персонифицированно) неопределенной группой (категорией) лиц, к которой относится сам депутат, либо состоящее с ним в близком родстве или свойстве лицо, либо аффилированные с ними лица (гражданин или организация, с которыми депутат представительного органа и (или) состоящее с ним в близком родстве или свойстве лицо связаны имущественными, корпоративными или иными отношениями), за исключением случая, если единственным либо явно преобладающим фактическим выгодоприобретателем от этого решения (в смысле получения личной прямой выгоды) является данный депутат или одно из указанных лиц либо круг таких выгодоприобретателей ограничен принимаемым решением.

В ином случае деятельность представительных органов, которые призваны обеспечить на основе формирования воли большинства поиск и принятие целесообразных правовых решений в установленной нормотворческой процедуре, была бы в значительной степени затруднена. Указанное выше ограничительное понимание личной заинтересованности, однако, не распространяется на случаи принятия представительными органами персонифицированных решений.

При этом вывод о наличии у депутата представительного органа конфликта интересов может быть сделан только на основе полной и объективной оценки всей совокупности фактических обстоятельств, свидетельствующих как о наличии у него личной заинтересованности, так и о том, что она реализовывалась (могла быть реализована) с использованием возможностей депутата, обусловленных прямо или косвенно его статусом и должностью в представительном органе и (или) фактическим влиянием на других депутатов (деятельность представительного органа в целом, в том числе деятельность муниципальных служащих и работников, обеспечивающих его функционирование). Лицо, при квалификации действий (бездействия) которого должны быть разрешены указанные вопросы, не может быть лишено права представлять в суде любые допустимые доказательства в поддержку своей невиновности (статья 46, часть 1; статья 49; статья 51, часть 1, Конституции Российской Федерации). В свою очередь, суд оценивает доказательства, представленные как уполномоченными органами, так и депутатом представительного органа (бывшим депутатом), по своему внутреннему убеждению и с учетом того, что они не имеют заранее установленной силы.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П отметил, что многообразие деяний коррупционной направленности и их повышенная латентность нередко обуславливают необходимость не только формализованных механизмов, но и выяснения, в частности, обстоятельств злоупотребления полномочиями, возникновения конфликта интересов, принятия правонарушителем разного рода мер, имеющих целью сокрытие таких действий, включая воспрепятствование осуществлению антикоррупционного контроля, а доверие граждан к закону и к действиям государства, в том числе к судебной системе, может оказаться под угрозой при освобождении от неблагоприятных последствий совершения

коррупционных деяний по основаниям, которые могут быть восприняты значительной частью граждан как формальные.

С учетом сказанного не могут сами по себе, вопреки имевшей место судебной практике, расцениваться как исключающие наличие конфликта интересов такие обстоятельства, как осуществление полномочий депутата представительного органа на непостоянной основе; отсутствие у депутата права единолично принимать решения и (или) давать поручения другим депутатам; отсутствие у депутата руководящей должности в представительном органе; инициирование решения, в связи с принятием которого определяется конфликт интересов, другим лицом; неопределяющее значение голоса конкретного депутата при голосовании, поскольку ими не исчерпываются все аспекты функционирования представительного органа и осуществления депутатом своих полномочий.

5.2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» предполагает, что при наличии или угрозе возникновения конфликта интересов лицом, замещающим публично значимую должность, должны быть приняты такие меры, которые максимально возможным образом устраняли бы влияние конфликта на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Участие депутата представительного органа в принятии этим органом решений посредством голосования составляет ядро его полномочий, производных от признания России демократическим государством, в котором народ, являющийся носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, и от права граждан на участие в управлении делами государства через своих представителей и корреспондирующей ей обязанности депутата выполнять и адекватно отражать политическую волю избравшего его народа (статья 1, часть 1; статья 3, части 1 и 2; статья 32, часть 1, Конституции Российской Федерации). Непринятие депутатом

мер по предотвращению возникновения конфликта интересов или его урегулированию может подорвать доверие населения к институтам представительной демократии.

По общему правилу, депутат представительного органа должен уже при возникновении соответствующих обстоятельств направить уведомление о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения в порядке, установленном соответствующим актом представительного органа, и принять определенные данным органом меры в целях предотвращения или урегулирования конфликта интересов (часть 2 статьи 11 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Выступление депутата, информирующее участников предстоящего принятия коллегиального решения о наличии конфликта интересов, с последующим самоустранением от голосования – в том числе в случае, если соответствующий вопрос был включен в повестку в процессе проведения заседания, – и любых других действий, связанных с принятием этого решения, может также рассматриваться как достаточная для предотвращения или урегулирования конфликта интересов мера, когда депутатом по каким-то причинам не была исполнена обязанность по уведомлению о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения.

Однако поскольку публичное самоустранение из процедуры голосования способно выступать способом создания формальной видимости принятия мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, постольку из оценки наличия конфликта интересов, который не был предотвращен или урегулирован путем подачи уведомления и определения и реализации на его основании мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, не должны исключаться другие действия депутата, направленные на поддержку принятия соответствующего решения, в том числе не связанные непосредственно с процедурой голосования, совершенные с использованием имеющихся у него возможностей для оказания

фактического влияния на принимаемые представительным органом решения.

5.3. Последствия совершения деяний коррупционной направленности должны отвечать как принципу неотвратимости ответственности, так и основанному на принципе справедливости требованию соразмерности правовой ответственности совершенному правонарушению. Данное требование предполагает в качестве общего правила дифференциацию такой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении наказания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2016 года № 2-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 8 декабря 2017 года № 39-П и др.).

Федеральный закон «О противодействии коррупции» не конкретизирует меры ответственности, которые могут быть применены в связи с несоблюдением требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, и порядок их применения и прямо предусматривает в качестве одной из таких мер возможность прекращения полномочий соответствующего должностного лица (статья 13¹).

Вместе с тем, как уже отмечалось, возможные, согласующиеся со статусом депутата представительного органа и реализуемые самим представительным органом меры определены федеральным законодателем в части 22 статьи 19 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», которая предусматривает в зависимости от характера конфликта интересов, степени его влияния на принятое представительным органом решение, степени вины депутата данного органа в неисполнении требований о его предотвращении или урегулировании и иных существенных обстоятельств применение к депутатам представительных органов – с учетом в том числе рекомендаций соответствующей комиссии – дифференцированных мер ответственности. Схожие меры

предусмотрены частью 4 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», однако, как следует из буквального прочтения указанного законоположения, они применяются только в случаях предоставления лицами, замещающими муниципальные должности, недостоверных или неполных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, если искажение этих сведений является несущественным.

В свете конституционного принципа единства системы публичной власти указанные меры могут быть распространены на депутатов представительных органов муниципальных образований и в случае несущественного нарушения ими требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Таким образом, досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования в связи с несоблюдением им требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является лишь одной из возможных мер его ответственности за соответствующее нарушение, которое с учетом его значения в системе соответствующих мер подлежит применению только в случае существенного конфликта интересов, в том числе дискредитирующего деятельность органов публичной власти, или совершения данного нарушения в совокупности с иными деяниями коррупционной направленности.

Выявление в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла взаимосвязанных положений федеральных законов «О противодействии коррупции», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» не исключает право федерального законодателя уточнить соответствующее правовое регулирование с учетом сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 86 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные статью 10, части 1, 2, 4–6 статьи 11, часть 4¹ статьи 12¹ и пункт 1 части 1 статьи 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», часть 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также часть 1 статьи 34, статью 35 и часть 7¹ статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не исключают депутата представительного органа, в том числе осуществляющего полномочия на непостоянной основе, из числа лиц, замещающих публично значимые должности, к которым применяются негативные последствия несоблюдения ими требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, при следующих условиях:

не могут сами по себе – вопреки имевшей место судебной практике – расцениваться в качестве исключающих наличие конфликта интересов такие обстоятельства, как осуществление полномочий депутата представительного органа на непостоянной основе, отсутствие у депутата права единолично принимать решения и (или) давать поручения другим депутатам, отсутствие у депутата руководящей должности в представительном органе, инициирование решения, в связи с принятием которого определяется конфликт интересов, другим лицом, неопределяющее значение голоса конкретного депутата при голосовании;

под личной заинтересованностью депутата представительного органа при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, не должно пониматься получение (возможность

получения) в результате принятого представительным органом решения доходов, преимуществ или выгод индивидуально (персонифицированно) неопределенной группой (категорией) лиц, к которой относится сам депутат, либо состоящее с ним в близком родстве или свойстве лицо, либо аффилированные с ними лица (гражданин или организация, с которыми депутат представительного органа и (или) состоящее с ним в близком родстве или свойстве лицо связаны имущественными, корпоративными или иными отношениями), за исключением случая, если единственным либо явно преобладающим фактическим выгодоприобретателем от этого решения (в смысле получения личной прямой выгоды) является данный депутат или одно из указанных лиц либо круг таких выгодоприобретателей ограничен принимаемым решением;

вывод о наличии у депутата представительного органа конфликта интересов может быть сделан на основе полной и объективной оценки всей совокупности фактических обстоятельств, свидетельствующих как о наличии у него личной заинтересованности, так и о том, что она реализовывалась (могла быть реализована) с использованием возможностей депутата, обусловленных прямо или косвенно его статусом и должностью в представительном органе и (или) фактическим влиянием на других депутатов (деятельность представительного органа в целом, в том числе деятельность муниципальных служащих и работников, обеспечивающих его функционирование);

выступление депутата представительного органа, информирующее участников предстоящего принятия коллегиального решения о наличии конфликта интересов, с последующим самоустранением от голосования и любых других действий, связанных с принятием этого решения, может являться достаточным для предотвращения или урегулирования конфликта интересов, за исключением случая, указанного в следующем абзаце;

из оценки наличия конфликта интересов, который не был предотвращен или урегулирован путем подачи уведомления и определения и реализации на его основании мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, не должны исключаться действия депутата

представительного органа, направленные на поддержку принятия соответствующего решения, в том числе не связанные непосредственно с процедурой голосования, совершенные с использованием имеющихся у него возможностей для оказания фактического влияния на принимаемые представительным органом решения;

досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования в связи с несоблюдением требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является лишь одной из возможных мер его ответственности за соответствующее нарушение – наряду с установленными частью 4 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», – применяемой в случае существенного конфликта интересов, в том числе дискредитирующей деятельность органов публичной власти, или совершения данного нарушения в системе иных деяний коррупционной направленности.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных статьи 10, частей 1, 2, 4–6 статьи 11, части 4¹ статьи 12¹ и пункта 1 части 1 статьи 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», части 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также части 1 статьи 34, статьи 35 и части 7¹ статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 51-П

Конституционный Суд
Российской Федерации